

ворить о нежелательности их, оплакивать происходящія перемены—совоѣмъ безосмысленно. Думать, что можно остановить естественный ходъ общественно-экономическаго развитія Россіи или направить его въ другую сторону—еще менѣе основательно. Еще не бывало такой внѣшней силы, силы личностей, которая могла бы измѣнить въ корень экономическое движеніе страны, разъ условія для того или другого движенія на лицо. Россія въ этомъ отношеніи не исключеніе. Другое дѣло, изучивъ существующее положеніе вещей, усиливать и развивать тѣ элементы въ этомъ ходѣ, которыя самостоятельно все-таки ведутъ къ логическому выводу изъ данныхъ экономическихъ отношеній.

VI.

Въ какихъ же отношеніяхъ стоитъ городъ и деревня въ смыслѣ приближенія къ этимъ основнымъ цѣлямъ и естественнымъ выводамъ, къ которымъ приводить развитіе современнаго общественно-экономическаго строя?

Что представляетъ изъ себя деревня въ умственномъ и нравственномъ ея развитіи—объ этомъ съ замѣчательной художественной силой показалъ недавно еще Ант. Чеховъ въ своемъ рассказѣ „Мужики“ („Русск. М.“ 1897 г., 4). Въ почти критическіе отзывы объ этомъ рассказѣ говорятъ о поразительно вѣрномъ воспроизведеніи дѣйствительности деревни. Чеховъ невольно, безъ задней мысли, сопоставилъ представителей города и деревни. Тѣ и другіе у него являются людьми самаго

средняго типа, большинства. Горожанинъ Николай—лакей, самый заурядный. Это не какой нибудь „Михаилъ Ивановичъ“ Гл. Успенскаго, дѣйствительно выдѣляющійся изъ оѣрой массы человѣкъ. Но, какъ говорить г. Novus („Нов. Сл.“ 8.), выведи Чеховъ не трактирнаго полового, а фабричнаго рабочаго, охваченнаго новыми идеями, привязаннаго къ книжкѣ—художественное впечатлѣніе отъ его разсказа было бы слабѣе. И вотъ эготъ то Николай, самый зауряднѣйшій типъ горожанина, стоитъ выше обыкновеннаго мужика по своему общественно-нравственному складу возрѣвнѣй. Его жена, умиляющаяся словами „аще“ и „дондеже“, не понимая ихъ смысла, съ благоговѣніемъ взглядывающая на красивыхъ и нарядныхъ барышень—она тоже представлена стоящей въ нравственномъ и умственномъ отношеніи выше средняго типа крестьянки. Мы не будемъ приводить выдержекъ изъ этого художественнаго разсказа, ибо не задаемся цѣлью разбирать его. Но онъ цѣликомъ представляетъ самый сильный протестъ противъ существующаго положенія деревни.

Разложеніе деревни на экономически различныя группы и разложеніе натурального строя хозяйства, какъ естественное, стихійное явленіе, приводитъ однако къ разрушенію и умственной и нравственной отсталости. Что это положеніе не голословно—сошлемся на статью „Грамотность въ связи съ дифференціаціей деревни“ („Н. Сл.“ 97 г. май), которую однажды мы уже цитировали. Грамотность раз-

вивается именно въ двухъ крайнихъ типахъ населенія деревни—въ деревенскомъ пролетаріатѣ, въ особенности въ отхожемъ, и среди богатѣевъ мужиковъ.

VII.

„Если преобладаніе города необходимо, говорить г. К. Т-нъ,* то только привлеченіе населенія въ города можетъ парализовать (и дѣйствительно парализуетъ, какъ доказываетъ исторія) односторонній характеръ этого преобладанія. Если городъ выдѣляетъ себя необходимо въ привилегированное положеніе, оставляя деревню подчиненной, неразвитой, безпомощной и забытой, то только притокъ деревенскаго населенія въ города, только это смѣшеніе и сдѣланіе земледѣльческаго и неземледѣльческаго населенія можетъ поднять сельское населеніе изъ его безпомощности“. Тотъ же г. Т-нъ цитируетъ по этому вопросу слѣдующія замѣчательныя слова одного нѣмецкаго экономиста: „вмѣстѣ съ постоянно растущимъ перевѣсомъ городского населенія, которое скопляетъ капиталистическое производство въ крупныхъ центрахъ, оно накопляетъ историческую силу движенія общества впередъ“.

В Г.

*) „Нов. Сл.“ 97 г. июль. „Къ характеристикѣ экономическаго романтизма“.